

Эпизоды Сексуального Характера

издание первое, сокращенное, с комментариями экспертов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Глеб Васильев

Глеб Андреевич Васильев

Эпизоды сексуального характера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38610608

SelfPub; 2018

Аннотация

Книга написана с целью приблизить читателя к самому сладкому, сочному и необычному в сексе. Собранные в ней Эпизоды Сексуального Характера неминуемо доставят вам удовольствие, а приведенные комментарии авторитетных специалистов обогатят культурно и интеллектуально. Содержит нецензурную брань.

Эпизоды Сексуального Характера

Издание первое, сокращенное, с комментариями экспертов

Предисловие

Представьте себе экстаз, яростный всплеск страсти, бушующее чувство восторга и пучину высшего наслаждения, поглощающую вас целиком. Представили? А теперь ответьте, с чем у вас ассоциируются только что вообразенные ощущения? Не претендуя на обладание экстрасенсорными способностями, даром провиденья или цыганской кровью, осмелюсь утверждать, что ваш ответ краток и содержит всего четыре простые буквы – С, Е, К и снова С. Да, слово «СЕКС» – именно то, что вы получите, сложив эти буквы.

Со времен зарождения человеческой цивилизации и даже раньше секс интересовал, будоражил и возбуждал людей всех возможных полов, рас и национальностей. Отношение человечества к сексу неоднократно менялось – он то становился запретной табуированной темой, то возводился в разряд сакральных культов. Одна за другой свершались сексуальные революции. Придумывались все новые способы, методы и практики достижения сексуального удовольствия. Изобретались хитроумные приспособления, призванные сделать сексуальную жизнь острее и ярче. Разрастались и пухли коллекции литературного, рисованного, фотогра-

фического и заснятого на видеокамеру порно. Удлинялись списки передающихся половым путем «срамных» болезней, служащих расплатой за небрежность и легкомыслие на сексуальных фронтах. Ужесточались общепринятые культурные, правовые и уголовные законы, касающиеся того, как, где, когда и с кем человеку вступать в сексуальный контакт позволено либо воспрещено и чревато суровым возмездием. Неизменными оставались лишь две вещи – сам секс и постоянная занятость им людей.

Дерзать, нагнетать, вливаться взглядом, прикасаться, заключать в объятия, целовать, расстегивать, снимать, исследовать, потирать, поглаживать, пошлепывать, пощипывать, теревить, сжимать, вставлять, двигать, сдерживаться, зажмуриваться, не сдерживаться, тарашиться, исторгать звуки, облизывать, потеть, глотать, дышать, стучать сердцем, обхватывать губами, не разговаривать, воображать, вспоминать, подглядывать, доказывать свою непричастность, скончаться – все это можно сказать про секс. Но тема секса слишком обширна чтобы сказанные слова могли раскрыть ее полностью. Как быть в такой ситуации? Очень просто – взять и использовать больше, гораздо больше слов! Эта книга, содержащая немало слов, буквально – сотканная из слов, написана с целью приблизить читателя к самому сладкому и сочному в сексе. Собранные в ней Эпизоды Сексуального Характера неминуемо доставят вам удовольствие и вызовут на лице улыбку, когда вы кончите чтение, а приведенные ком-

ментарии авторитетных специалистов обогатят культурно и интеллектуально.

Приятного и познавательного чтения!

Комментарий №1

Революционер и вождь пролетариата Владимир Ильич Ульянов, из труда «Еще раз о роли профсоюзов в мировом кинематографе»:

«Сексуальность характера, когда бы она ни начала формироваться, проявляется в человеке с того момента, когда мальчик, девочка или другой представитель человечества включается в круговорот социальной жизни. Именно вращение в социальных сферах, людских ячейках, функционирующих по принципу и законам социализма, дает члену общества почетное и ответственное право осознать свою сексуальную привлекательность и использовать ее в высокоморальных целях строительства коммунизма. Ведь даже товарищи Бухарин и Троцкий, так часто попадающие во власть иллюзий и, что хуже того, азартно пытающиеся заразить других ложными идеями своего иллюзорного бреда, не станут отрицать, что без сексуальных контактов и последующего деторождения нет ни единого обоснованного и научно подтвержденного способа увеличить стабильный прирост граждан, верных идеям коммунизма».

Эпизод №1. Мальчики-девочки

Димку, когда ему было тринадцать, после школьной дискотеки девятиклассница затащила в подвал и изнасиловала. Более счастливого и довольного собой сукиного сына я не видел. Димка, маленький тепличный гаденыш, после этого случая заявил, что может помирать со спокойной душой. Но вместо этого он перетрахал полшколы и стал ментом. Поперек себя шире.

Миша любил Светку, но женился на ней по залету. Из-за этого залета он на некоторое время даже стал местной знаменитостью. Вышло так, что беременная Светка оказалась девственницей. Проведенное по настоянию ее родителей обследование Мишки показало, что его гортань вырабатывает сперму. Пусть в ничтожных количествах, но вырабатывает. «Долизался Мишка, сперма носом пошла» – шутили мы. И у Мишки носом шла не проглоченная водка. Восемнадцать лет, сперма в носу и непорочная жена с брюхом. Он слетел с катушек, добровольно сдался в военный комиссариат и через два года не вернулся из Йошкар-Олы. Остался там, выкрасив волосы в розовый, а ногти в черный цвет.

Коля понял, что любит Наташу и это взаимно, когда они, пьяные в брызги, мастурбировали друг другу в переполненном вагоне метро, катящемся по Замоскворецкой ветке. Так же он понял, что Паша его искренний и настоящий друг. Пока Коля и Наташа мяли друг друга, Паша старательно, но тщетно пытался прикрыть их полами своего пальто. А мог ведь отойти в сторону, сделать вид, что не с ними. Потом,

выйдя в город, они целовались втроем. Коля въехал под самосвал, уцелела только половина его тела, вторую сожрали протекторы. Наташа сделала аборт через неделю после его смерти.

Ира обожала играть с мужчинами. Она прыгала к ним на коленки, терлась попой, оставляла засосы на шее. А после переписки в туалете, лифте или на лестничной клетке говорила, что ей тринадцать. От этого трезвели даже самые пьяные. Ира, довольная произведенным эффектом, хихикала и заводила разговор о своем брате, который мотал срок на зоне. Как ни странно, ее ни разу не побили. Хотя, один юный семинарист, приехавший погостить к своей бабушки, после короткого разговора с Ирой побежал по улице, громогласно требуя топор. После, немного успокоившись, семинарист утверждал, что Ира зыркнула на него огненным взглядом и выдала следующее: «Твоя мать сосет сейчас члены в аду, Каррас». Все знали, что фильм «Изгоняющий дьявола» Ира в жизни не смотрела и всегда повторяла фразу из «Девственниц самоубийц» («доктор, вы никогда не были тринадцатилетней девочкой»), поэтому семинариста побили. Принципиально и жестоко, до реанимации – хочешь жрать мусор – жри, но раз уж за топор хватаешься, то будь любезен, получи обратку. Теперь, когда Ире даже обдолбанный слепой маразматик не даст тринадцати, она нашла себе новое развлечение. Ищет в сети мужиков-иностранцев и ездит к ним на секс-уикенды. Ирины муж и сын провожают ее в аэропорту.

Сын просит привезти ему какой-нибудь магнитик на холодильник (он их коллекционирует), а муж нервно соображает, где в это время лучше снять шляху.

Ваня любит жен своих друзей. Всех, без разбора. Он очень милый мальчик. Накачанный и начитанный в пределах разумного. С небесно-голубыми глазами и светло-русые волосы. Когда мы с Ваней выпиваем, он говорит: «Брат, твоя Машка просто супер. Она такааая баба! Шикарная! Береги ее, брат. Машенька – это что-то. Красавица. Ты с ней смотри. Если ее обидишь, я тебя на говно располовиню. Понял? Машка, блядь... Слушай, давай по бабам, а? У меня вот пара телефончиков есть». Я не понимаю, почему Ваня не любит свою жену Олю. Она хорошая и бьет его по морде только потому, что он ей это позволяет. Оля родила Ване чудесную дочку Вику. Сейчас ей полтора годика.

Я люблю их всех за то, что они пускали меня в свои жизни, за все их блядство и ублюдство. За то, чему они меня научили – пока говно дошло только до подбородка, продолжай смеяться, потому что потом захлебнешься.

Комментарий №2

Сексуальный психолог Ольга Анатольевна Тучная, из статьи «Розги для Золушки»:

«В интимных отношениях зачастую один из партнеров тяготеет к доминированию, а второй – к беспрекословному подчинению. В это же самое время, третий партнер мо-

жет оказаться «ни рыбой, ни мясом», а именно – беспринципным самовлюбленным хлыщом, не доставляющим своим сексуальным партнерам ничего, кроме хлопот и раздражения. Он вечно ноет о том, как ему все не нравится, насколько плохи его любовники и какое несварение у него разыгралось от съеденного ужина. Из-за таких персонажей любовная группа превращается в модель «лебедя, рака и щуки», и излечить отношения можно только с помощью регулярного применения садомазохистских практик, включающих систему жестких телесных поощрений. Одетый в строгий ошейник и кляп, посаженный на цепь и отшлепанный доминирующим партнером, эгоист непременно захочет ознакомиться и с другой стороной медали – например, отшлепать партнера, склоняющегося к подчинению. В результате, вовлекшись в сексуальную игру, нытик забудет о своих беспочвенных протестах и перестанет докучать окружающим, а в семье воцарятся долгожданные мир и взаимопонимание».

Эпизод №2. Рабыня

Мечталось ли мне о персональной секс-рабыне? Черт его знает, может и мечталось. В пору полового созревания еще и не о таком мечтается. Так что, скорее всего, мечталось – о роскошной, сексуальной и опытной, предоставленной в полное мое распоряжение.

«Эй, ты вообще как, нормальный?» – людей, интересовавшихся этим вопросом касательно меня, нет в живых. Если

говорить откровенно, то таких людей в живых никогда и не было. Поэтому, когда бы там кому чего ни хотелось, мнение о моих потребностях большинство людей формирует самостоятельно, пренебрегая любыми намеками и обмолвками. Таким вот образом на прошедший день рождения, спасибо ненормальным друзьям, я получил в персональное пользование девушку по имени Мирослава.

То есть, как бы никто уже и не сомневался, что вопросы отношения к совести, морали и банальной законности мною для себя решены и более не стоят ни в какой форме. Имела ли место бурная радость с моей стороны? Да ее от меня вообще кто-нибудь видел? Нет, конечно, спасибо-спасибо, рукожмаки, по плечам хлоп-хлоп, в щеку чмоки-чмоки – это простая вежливость, не более. У меня, знаете ли, кролик, краб и птичка живут. Я же их за живых игрушек не считаю. А тут на тебе – заполучи нового члена семьи. Заботься о нем, развлекайся в меру сил и возможностей, извращенец ты старый, урод моральный. А мне, надо заметить, уже давно не семнадцать, как этой Мирославе.

Хуй ровесников не ищет – пошутили коллеги, узнав о полученном подарке. Завидуют, дурни. А чему тут завидовать? «Она у тебя хоть разговаривать умеет, Мирослава твоя?» – интересуются, погогатывая, гуси ощипанные. «Как она вообще, ничего?» – аж слюни пускают. «Если тебе не нужна, так у меня в следующем месяце день рождения» – подковырнуть пытаются. Смотрю на них и думаю, что конец света

и тотальное вымирание человечества отнюдь не повод для расстройств.

Разговаривать? Ха! Да Мирослава к своим семнадцати перечитала все от Достоевского до Кастанеды. Миллера цитирует, про Юнга часами рассуждает. Хорхе Борхес ей нравится, а Умберто Эко, почему-то, нет. От Булгакова плюется, Бодлера шарлит только в путь. И еще сотни других людей – писателей, музыкантов, актеров и режиссеров, о которых я только в википедии читал. Столицы всех государств строит по алфавиту, материкам, с юга на север, по часовым поясам и вообще как угодно. Как-то раз домой с бутылкой абсента пришел. Ой. Лучше бы я этого не делал. Такую историческую справку с гиперссылками получил, что захотелось себе горло перерезать. Разговаривать?! О чем с таким человеком можно разговаривать? Один раз меня Гумбертом назвала. Еле сдержался, чтобы не придушить ее ко всем херам.

Нет, конечно, если бы я знал, через сколько минут Мирослава мне объявит мат, то никогда бы не предложил ей партию в шахматы. Даже в шашки, даже в поддавки – везде проиграл. Какое уж тут доброе отношение? Если и оставалось во мне что-то человеческое, то оно взвыло на луну, поросло шерстью и выпустило когти и клыки.

Да спрашивал я, спрашивал, из какого ее эскорта свистнули. И про родственников спрашивал. Вот тут-то Мирослава затыкается. Идет на кухню и коктейли начинает творить или мясо жарить. И взгляд такой, будто отравить меня соби-

рается.

Нервы на пределе. Приходится запираяться, когда душ принимаю или в туалет иду. Пару раз дверь забывал закрыть, так Мирослава уже тут как тут, кошкой мурлычет. Я под одеяло – она туда же. Трется, спать не дает. Уже в дверь спальни замок врезал. Дело пахнет срывом. Дома как в тюрьме. Мирослава за каждым моим шагом следит. Смотрит задумчиво, улыбается. Я так долго не протяну. Только дружба с кроликом, птичкой и крабом спасает. Хотя, иногда мне кажется, что они с Мирославой спелись.

Уже две недели ухожу на работу, оставляя входную дверь открытой. Вдруг да сбежит? Пусть хоть с деньгами, хоть всю квартиру пусть обчистит – лишь бы сбежала. Или, может, украдут ее. Ах, мечты, мечты... Ну не могу же я сам девчонку просто так на улицу выгнать.

Комментарий №3

Водитель-дальнобойщик Петр Зиновьевич Датый, из интервью для газеты «Вечерняя Лобня»:

«Не подумайте, что я вообще имею в виду что-то такое. Я ничего такого, вообще-то, никогда не говорю. Тем более, в приличном обществе. Ну, при людях-то... вот. Но тут важно понимать, что я, так сказать, мужчина. И именно что как вышеупомянутый мужчина я имею свои, грубо говоря, объективные необходимости. Но не стоит на этом обостряться. Да, имею жену. Но тут нужно помнить, что я ее еще и люблю»

– все по закону и как у людей. А то, что вам там еще кто-то, не знаю, скажет – это все вранье чистой воды. Вы там себе так и запишите, что никакую Люську я вообще знать не знаю. Да даже если бы и знал – не в моем она стиле, да к тому же живет в Электроуглях. Представляете? В Электроуглях! Где я и где Электроугли? Так что про меня и Люську, уж не знаю, кто напридумал, но это курам на смех!».

Эпизод №3. Он, она и его жена

В минувшую пятницу под предлогом выпить кружечку глинтвейна по поводу мерзопакостности текущих погод к нам залетела коллега и подруга жены – Настя. Случайно ли, но глинтвейна оказалось в избытке, а игра в скрабл только разожгла жажду тепла и общения (даже при том, что я непременно выигрывал, крестословя самые некрестословные буквосочетания). Долго ли, коротко ли, но Настя, оберегая себя от ночных путешествий в прописное Ясенево (не черт душой завладеет, так вульгарность какая-нибудь телом воспользуется, без взаимного согласия и оргазма двустороннего), решила заночевать в нашей, э... резиденции (квартира? В принципе, да. Но звучит пошлово. Берлога? Определенно, сколько ее ни мети. Но, опять же, слово больше подходит для определения холостяцкого жилища. Жилище? Нет уж, отринем коммунальность. Прибежище? Тоже правда, за исключением утешений приблудшим беженцам. В общем, однокомнатная резиденция и хрен бы с ней).

Настя со всеми подобающими «спокойныночами» и постельно-бельевыми атрибутами была уложена на вторую (и последнюю в резиденции) кровать.

Ночь оказалась безоблачной. Стены и потолок не жалея сил скрывали любые помутнения и сгустки на пыльном небосводе столицы. Однако утро принесло неожиданные проблемы. Традиционный утренне-субботний секс нам с женой пришлось совершить в санузле (или как там в камасутре называется эта поза, когда один партнер сидит на толчке, а второй лежит в ванной и интересуется «когда ты уже перестанешь вонять, а?»), дабы не потревожить сладость сна гостыи.

Трудности, в единоразовости которых не приходится сомневаться, даже трудностями не кажутся. Но за завтраком Настя подлила маслица в огонь. «Знаешь, Леночка», – сказала она моей жене, – «глядя на вас с глебандреичем, я подумала, что иметь собственного мужчину не так хлопотно, как я это себе представляла. Твой, к примеру, довольно тих, спокойен, не капризен, не слишком требователен – даже в ванной трахаться может. Ночью спит себе, не ссыт с балкона, не бежит за пузырем, почти не храпит. Похоже, мне пора пересмотреть свои взгляды».

«Настя!», – в ярости порыва моя жена не сумела скрыть или хотя бы минимизировать выпученность своих глаз. – «Что ты такое говоришь?! Что ты там переосмыслила?»

«Ах, да», – кивнула Настя своим мыслям, – «Если, конечно, у мужчин не холодеют пятки. А то я как себе представлю

– ночью во сне наткнуться под одеялом на чужую холодную пятку. Бррр!!! Что может быть ужаснее?».

«Именно!», – воскликнула жена. – «Ты себе даже не представляешь!»

Я хотел что-то возразить, но был тут же увлечен женой в санузел на разговор. Оказалось, что жизнь Насти была довольно жестокой. Все сношения сексуально толка она осуществляла исключительно на нейтральных территориях: в лифте, кино, кафе, клубах и метро. Потому как до смерти боялась СПАТЬ С МУЖЧИНОЙ. Именно спать и именно с мужчиной. Сон Настя предполагала как исключительно личное пространство, в котором ничьей власти, кроме ее собственной, быть не полагалось. Я высказался в духе, дескать, к чему обобщения – процесс поиска не менее увлекателен, а раны, заживая, зудят весьма приятно. Жена тут же меня заткнула, сказав, что Настя – единственная девушка, с которой ей – моей жене – хотелось бы «попробовать». Что я не имею никакого права отнимать у нее единственный шанс. Что я полностью виноват в том, что устоявшиеся взгляды Насти, спящей (по словам жены) с девушками легко и непринужденно, могут пошатнуться. Это был ультиматум – либо я что-нибудь придумываю в защиту бестолковости мужчин за рамками секса в вагоне метро, либо лишаясь супружеского траха до ишачьей пасхи. Теперь я должен объяснить Насте все скотство природы, прилагающееся к персональному мужчине. Стало быть, теперь мне и карты в руки, а она – моя

жена – уходит за кроличьим кормом, чтобы не смущать меня в моем унижении перед Настей.

Лена ушла, а я остался. Настя домой, очевидно, не спешила. Как абориген и патриот изведанных глубин, я поведал Насте о потливости собственных подмышек и признался в холоде пяток. Грешен, потливость списал на «внутреннее пламя», охватывающее меня в моменты сотворения текстов – снаружи меня может быть хоть минус сорок, но творчество жжет и печет. Настя усердно внимала, кривясь в нужных местах и булькая чаем, заботливо заваренным мною. К слову, Настя, обладающая подкупающей миниатюрностью и изяществом фигуры, прихлебывающая чай с блюдечка, будто котенок, способствовала моей потливости не хуже хэндмейд рассказов – подмышки взмокли, будто тая в себе по сочной вагине.

Я с трудом могу определить точность момента, когда моя рука оказалась сперва по локоть (ну не фокусник ли я?) в Настиных трусиках (про ее джинсы вообще не припоминается), а потом и в самой Насте. Дальше уже были мы, друг в друге по самые фланцы и зарубки.

«Вот видишь!» – именно с таким торжествующим воплем на пороге возникла моя жена, прижимая к груди пакет сена, две коробки сухого корма и еще какие-то кроличьи вкусняшки. – «Теперь понимаешь, что к чему?».

«Извините», – сконфузилась Настя, вынимая меня из себя, себя из меня и вставляя себя в белье и прочие поверхно-

сти. Уходя, она удостоила меня пощечиной, а жену сестринским поцелуем.

«Молодец», – сказала Леночка, когда крошечная фигурка Насти наконец растворилась в бушующей за окном весенней метели, и когда я решительно не знал, что говорить и стоит ли говорить то, чего толком не знаешь. – «Все правильно сделал. Пусть знает».

Комментарий №4

Заслуженный мастер готического ужаса Абрахам Стокер, из книги «Дракула: мертвый и возбужденный»:

«Бытует распространенное заблуждение, будто бы с наступлением пожилого возраста человек утрачивает способность получать удовлетворение от любовных забав. Смею уверить вас, прелестное дитя, что это отнюдь не так и предельно далеко от истины. Я был великолепным любовником уже в четырнадцать лет, и с каждым годом мое мастерство в деле сладострастия лишь улучшалось, оттачивалось и становилось все более изысканным. Моя страсть к альковным утехам не померкла ни в шестьдесят, ни в восемьдесят, ни в сто лет. Не потерял я своего пикантного интереса и в пору двухсот-, трехсот- и четырехсотлетия, в чем готов убедить вас не словами, но делом, коль скоро вы согласитесь разделить со мной эту ночь и мое ложе».

Эпизод №4. Призрак

На острове Нижние Мневники, что недалеко от Крылатских холмов, есть деревня Терехово. Покосившиеся деревянные домики заколочены и обречены на снос, но есть сила, противостоящая высоте цен на московские земли, не дающая вырасти на месте деревни централизованным торговым дворцам, развлекательным паркам и элитным коттеджным поселениям. Эта могущественная сила заключена в сухонькой старушке Софье Моисеевне Ковальчук, более известной как мадам Изида Коваль. Мадам Изида год за годом оберегает брошенную деревушку от уничтожения, то объявляя ее истинной родиной Есенина, то архитектурным ансамблем позднего русского зодчества, защищаемым ЮНЕСКО, то попросту скупая чиновничьи души и мнения. Благополучие мадам Изиды, известнейшего московского медиума, спиритической бабки современности, напрямую зависит от целостности мертвого Терехово. Точнее, не всей деревни, а одного домишки, неприметного в массе своих осиротелых соседей.

В этом домике жила Маргарита Павловна Курочкина, старшая подруга матери мадам Изиды. Случается, что людей забывают еще при их жизни. Такое же забвение постигло Маргариту Павловну. Одинокая дева слоновьей тучности, она безрадостно разменяла девятый десяток, после чего решила, что с нее хватит – пора и честь знать. Надела темно-синее бархатное платье, коралловые бусы и перстни с перламутром, подвела глаза, накрасила губы, легла на кровать и

умерла. Смерть Маргариты Павловны оставалась незамеченной в течение долгих лет – так она и лежала на кровати, гигантским комом сахара растворяясь в затхлом воздухе своего дома, впитываясь в древесные волокна стен, пока однажды к ней не пожаловала Софья Моисеевна Ковальчук. Софья Моисеевна в ту пору еще не была ни медиумом, ни мадам Изидой, поэтому, ступив во мрак жилища подруги матери она не почувствовала ничего, кроме запаха пыли и тлена.

Надо сказать, Софья Моисеевна пришла сюда неспроста. В том году скончалась ее мать Елена Ковальчук, перед смертью завещав дочери единственную фамильную ценность – жемчужные серьги. Серьги Елена, всю жизнь кочевавшая с дочерью и пьющим (даром что Моисей Соломонович) мужем по съемным комнатам и чужим уголкам, оставила на хранение своей подруге Маргарите Павловне Курочкиной – подальше от воров, пьющего мужа и соблазнов продать в черный день.

Зовя Маргариту Павловну, Софья Моисеевна бродила по темноте захламленных комнат, понимая, что если и есть у нее здесь какой-нибудь шанс, то разве что провалиться сквозь прогнивший пол да шею себе свернуть, но никак не отыскать серьги. Горько и обидно стало Софье Моисеевне, присела она на краешек кровати, той самой, где останки Маргариты Павловны лежали, и заплакала навзрыд.

То, что произошло дальше, вряд ли имеет рациональное объяснение. Софья Моисеевна услышала голос ласковый,

утешающий, почувствовала, как ладонь теплая ее по голове гладит, нежно слезы вытирает. Хотела Софья Моисеевна испугаться, да поняла тут, что свой собственный голос слышит, свою руку на лице чувствует, только не она говорит, не она рукой своей управляет. И испугаться никакой возможности нет, так внутри себя тепло, уютно и спокойно. Как будто кто-то большой и мудрый тебя к груди прижал и баюкает, защищает, все беды отгоняет. Встала Софья Моисеевна с кровати и пошла напрямиком к комоду, что в углу комнаты стоял, – не ее, кого-то другого ее ноги слушаются, а легко-то как идет-ся, уверенно, – открыла дверцу, тряпки какие-то, коробки на пол поскидывала, – так и летают пальцы, будто вальс знакомый на фортепьяно играют, – нащупали под крышкой комода коробочку, скотчем к стенке прилепленную. Открыла Софья Моисеевна коробочку, а там серьги жемчужные, что мать ей завещала, лежат.

С тех пор дела Софьи Моисеевны в гору пошли. Поняла она, какая тайна ей открылась, какое сокровище в руки попало. Проснулась в ней, забила жилка, всю жизнь дремавшая. Стала Софья Моисеевна зваться мадам Изидой Коваль, помощь людям сулить, ни в одной просьбе не отказывала, стопроцентный успех гарантировала. Нужно ли кому-то милого приворожить, перед женой в измене покаяться, на конференции удачно выступить, экзамен сдать, совету акционеров мозги запудрить, шахматный турнир или велокросс выиграть – во всем поможет. Приведет мадам Изиди клиента в

домик ветхий, свечи зажжет, слова неясные скороговоркой пробормочет, перекрестится, а дальше уж Маргарита Павловна действует. Дух ее в тело нуждающегося проникнет, сознание клиента в животик спать уложит, а сам вперед – к активным действиям. Лучше всякого гипноза Маргарита Павловна навыками тела воспользуется, из памяти мозга все нужное выберет, страхи все с неловкостями выбросит.

Богатеет мадам Изида, радуются люди, удивляются, как они в ответственный момент и слово нужное подбирают, и движение правильное делают, будто ангел-хранитель их за руку ведет. Да и Маргарита Павловна свое получает, чего при жизни не имела. Как с задачей справится, все нужное для просителя сделает, так еще после на часок в теле его остается, усыпляя на этот час сознание хозяйское особенно крепко. Тут, случается, до курьезов доходит – девы после такого себя без девственности обнаруживают, у трезвенников с похмелья головы гудят, ломки непознанные проявляются, животы от переедания пухнут. Один политик так и вовсе заметил, что мошонка его до гематом смята, пенис распух, а анус кровоточит немилосердно. Мадам Изида от всех претензий отмахивается – дело сделано, а тонкие миры сердить не стоит, а то прорвутся. Тонкие миры – не анус, их не заштопаешь. А сама тихонько посмеивается, глядя, как Маргарита Павловна плату свою удовольствиями телесными берет. Мадам Изида уж давно заметила – как после ее бормотанья в домике при свечах клиент вдруг заулыбается, как рукой себе в промеж-

ность соскользнет, значит на месте Маргарита Павловна – и день будет, и пища.

Комментарий №5

Диетолог ее Королевского Величества Елизаветы II Жорж Ирвин Робас, из книги «Да – я гей, и ты с этим ничегошеньки не поделаешь, папуля»:

«Не следует путать причину и следствие. Загар и культ спортивного тела вошли в моду не на волне популярности здорового образа жизни, а исключительно из-за нового витка спроса на секс и все с ним связанное. Именно секс заставил людей пересмотреть традиционные ценности. Так, жилистая худоба и смуглая кожа изначально считались признаками бедняка, работяги или раба – того, кому скудность рациона не позволяют нагулять вес, а необходимость горбатиться на солнцепеке не дает сохранить кефирную белизну. Но одна эпоха сменила другую, и люди наконец поняли очевидное – ничего лучше секса в их жизни нет, не было и не будет. А обрюзгшее, дряблое, обвисшее, жирное, стокилограммовое мертвецки-бледное тело – оно не только не вызывает влечения, но и физически не способно удовлетворить сексуальное желание. Поэтому люди, желающие получать максимум удовольствия, отказались от конфет и сдобы, загнали себя в спортзалы и солярии. Они рассчитывали, что сразу же станут по-настоящему счастливыми, но этого не произошло. Как оказалось, для секса, кроме спортивной фигуры и

загара нужен еще и партнер. Но где его взять? Где можно выбрать любовника подходящего телосложения и цвета? В природе таких мест не было, но человек не спасовал и создал их с нуля. Речь идет о гениальнейшем и сексуальнейшем культурном открытии двадцатого века – о пляжах. Как альпинисты, смело идущие от одной горной вершины к другой, шагают здоровые и красивые голые люди по пляжу от переживаний одного оргазма к предчувствию другого, улыбаются потенциальным любовникам и совершенно бесплатно получают дополнительные дозы ультрафиолета».

Эпизод №5. Пляж

Долгожданное тепло. Отличный повод говорить о погоде с улыбкой. Как будто нужен повод, чтобы говорить о погоде. Нет, тут нужен человек, а разговор о погоде сам вырастет практически из ничего. И если уж я пустынный в седьмом колене, это не меняет ровным счетом ничего. Просто в пустыне зима сменяется летом так же часто, как ночь сменяется днем.

Первый жаркий денек был наскоро разогрет Созидателем в небесной микроволновке с тем умыслом, чтобы я им воспользовался. Мог ли я подвести большого папу? Нет. Поэтому, облачив обнаженные нервы в шорты и обтягивающую маечку, я отправился на пляж – в ту самую песочницу Серебряного Бора, где этот день уже делили между собой белые, расширяющиеся к низу, словно сахарные головы, нуди-

сты обоих полов, стягивающие трусы в порыве показать всему миру, что при должном уходе и рационе мужика от бабы отличить даже без трусов бывает практически невозможно.

Расстелив полотенце подальше от гермафродитных голышей, я уложил на него собственные нервы, обросшие жиром, мышцами, кожей и волосами в той чудной пропорции, в какой они скорее услаждают и привлекают взгляд, чем пугают и отталкивают. Дивный запах моей впитывающей солнце девственности и ветреной непорочности понесся над берегом, роняя в воду ранних бабочек, жучков, фруктовых и навозных мушек – всех без разбору. Однако довольно скоро я заметил, что влияю на поведение не одних лишь крылатых насекомых. Сужая круги, поглядывая на меня сквозь дымчатую пелену солнечных очков, по песочку бродил солидного пуза дядечка в бороде и веселеньких плавках.

– Прекрасная сегодня погода, – сказал дядечка.

– Действительно, – согласился я.

– По ночам еще холодновато, но днем печет, – дядечка кивнул и погладил пузо.

– Да, – и тут возразить мне было нечего.

– Все равно, поздняя весна – вон в той протоке еще лед стоит, – не унимался дядечка.

– Угу.

– Я слышал, похолодание еще будет, – заявил дядечка. – Снега вроде бы не обещают, но градусов на десять температура понизится.

– О.

– Так что на майские праздники придется утепляться, – взгляд дядечки скользнул поверх солнечных очков и задержался на моих сосках.

– Ага.

– Лета, говорят, еще подождать придется, – дядечка облизнулся, давая понять, что затыкаться он не собирается.

– Печально, – сказал я. – А вы случаем не издатель?

– Издатель? – переспросил дядечка.

– Я думал, в детстве всех учат, что книга – лучший подарок.

– Это да, это конечно, – закивал дядечка.

– Ну так вот, за книгу я бы перед вами нагнулся, ягодицы бы еще сам раздвинул.

– За какую книгу? – похоже, дядечке игра понравилась.

– За мою книгу, которую вы, будь вы издателем, издали бы тиражом в пару сотен тысяч экземпляров.

– О, так вы пишете? – дядечка снова облизнулся.

– Да, вам крупно повезло. В том плане, что я пишу, а не пою. То есть, я не требую, чтобы вы издали мой альбом – это очень накладно. Студии, музыканты, концерты, радио и телеэфир. А так – твердый переплет, хорошая бумага, реклама в метро и на автобусных остановках. Видите, не так уж много я за свою задницу прошу.

– А о чем ваша книга?

– Это имеет значение? Ладно, в двух словах. Это роман.

Главные героини – сестры-близнецы Аня и Лиза. В школе дети их задирают, дразнят, обзывают анализами. То есть, вы понимаете, для детей существуют только те анализы, которые они в поликлинике сдают, в баночке майонезной или коробке спичечном приносят. У Ани волосы светлые, жиденькие – поэтому она среди одноклассников зовется Сакой. Лиза – Кака, потому что у нее густые каштановые волосы. А вместе Аня и Лиза – анализы. Так вот, страдающие от детской жестокости анализы изобретают антигравитационный майонез. Понимаете, это такой майонез, что если им салат сверху залить, то ничего хорошего из этого не выйдет – он вниз даже при перемешивании не протекает. Наоборот, вверх все время поднимается. Если хотите сделать салат с антигравитационным майонезом, то нужно в плоску сначала майонез лить, а потом уже все остальное закидывать. Понимаете? Но самое главное, это то чувство полета, которое люди ощущают, съев антигравитационный майонез, изобретенный Аней и Лизой, простыми школьницами. Развязка у романа такая – Аня и Лиза получают Нобелевскую премию, весь мир подсаживается на их майонез, как на наркотик. Тут Аня немного меняет состав майонеза, и всякий, кто его ест, улетает в открытый космос. Без ракеты и скафандра, разумеется. Так на Земле остаются одни только Лиза и Аня. Они радуются, что теперь их никто не дразнит анализами. Вот. Потом им становится безумно скучно, они начинают звать друг друга Сакой и Какой, вступают в лесбийский брак и,

снова изменив формулу майонеза, рожают... Стоп. Это уже сюжет второй книги.

– Очень интересно, – сказал дядечка.

– Так вы издатель?

– Да, конечно, – дядечка замялся, – не совсем, но у меня есть знакомые... Обсудим это за ужином?

– По телефону, – отрезал я. – Сначала книга, потом моя жопа, ужин и все что пожелаете.

Мы обменялись телефонными номерами, после чего дядечка поспешно покинул пляж.

Я пробовал ему позвонить, да какое там – в действительности такого номера не существовало. Жалкий педерастический ублюдок! Как же я понимаю женщин – все их хотят, но на поверку оказываются халявщиками или педрилами. Женщины честно предлагают себя, а не какой-то там талант или красивые глазки, то есть сами на халяву не рассчитывают. И что получают взамен? Сраный разговор про погоду, приглашение на дерьмовый ужин и фальшивый номер телефона.

Комментарий №6

Путешественник Ерофей Павлович Хабаров, из мемуаров «Тысяча женщин со всего света, с которыми у меня был секс, хоть и не все из них были женщинами»:

«Иногда случается такое, что природа допускает «ошибку» – помещает сознание мужчины в женское тело и наоборот. Казалось бы, сейчас мужчины и женщины наделены

равными правами и возможностями, и в современном мире нет особой разницы в теле какого пола оказалось твое сознание. Но так лишь кажется на первый взгляд. В действительности же мужчины в женской оболочке, как и женщины в мужской, испытывают многочисленные нравственные страдания. И наибольшее число страданий сконцентрировано вокруг сексуальной проблематики. Так, мужчины с женским сознанием имеют врожденную способность к испытанию множественных, так называемых «каскадных» оргазмов, что часто вызывает у них чувство неловкости (подчас, даже вины) и зависть у их сексуальных партнеров. Женщинам с мужским сознанием не проще – испытав оргазм, они склонны тут же повернуться лицом к стенке и немедленно уснуть, что также заставляет их чувствовать себя некомфортно и провоцирует у любовников негативную реакцию. Как правило, чтобы познать самого себя, принять свою особенность и научиться управлять ею, гендерным перевертышам приходится пройти курс гормональной терапии, перенести серию хирургических операций и, в конце концов, прибегнуть к процедуре трансплантации разума в донорское тело».

Эпизод №6. Блюз Цветика

Если бы мне еще неделю назад такое кто сказал, на месте бы в щепки ему харю разнес. Хотя, погодите секундочку. Неделю назад, друзья мои, думается, уже бы не стал разно-

силь. Но вот за пару недель до того – точняк, ко всем херам бы расхерачил, бля, в кровавые сопли! Но, судя по всему, в нынешнем моем положении не следует винить никого, кроме госпожи Судьбы и ее верного посыльного Случая. Гребаный ебучий случай! Сука, как же у меня чесались руки раскрыть это кукольное личико! Но, порядок таков, что если ты ему не следуешь, он все равно поглотит и упорядочит тебя по собственному разумению и классификатору. Не так ли, друзья мои? Все мы живем в тесной взаимосвязи с окружением, по праву или нет, но часто проникающим сквозь все слои нашей защитной оболочки, которую нам свойственно мнить девственно целой и непреступной. Совсем недавно я тоже думал, что быстрота реакции, сила, разумная осторожность в словах и поведении обеспечивают полный контроль ситуации, а, стало быть, хранят непорочность моего существа от всего того, что я полагал за отвратительную грязь и мерзость, несовместимую с жизнью. Как же, ебать меня сраным дуршлагом, я ошибался! Блядь! Блядь!! Блядь!!! Простите. Я постараюсь рассказать все по порядку. И, смею надеяться, вы не сочтете горькую иронию приключившегося со мной за пошлость. Впрочем, даже если и сочтете – ваше право. Это сейчас я склоняюсь в пользу ярлыка «горькая ирония». А если честно, это было самой нахуй блядь настоящей ебаной опизденевшей трагедией! Но, обо всем по порядку.

Натаха всегда была своим парнем. Чего уж там, из нас, пацанов, при ней никто ни матюгнуться не стеснялся, ни пер-

нуть, ни поссать. Вместе мы «Гражданку» и «Секторуху» под гитару орали, вместе чертей уебищных в переходах крошили, одной машинкой черепа себе подводили. Бухали, конечно, говно всякое – тоже вместе. Но к Натахе не лез никто, потому что, как я уже упомянул, была она в нашей компании свойским пацаном. Когда Витька в офис-хуефис устроился, мы поняли, что пропал человек, скурвился. Отпиздить его хотели так, чтобы в родном офисе не узнали, так Натаха отговорила. Он, говорит, говно, а вы, если его тронете, еще большее говно – пидорское. Потом ничего так с Витькой, наладилось, приходите к нам стал по пятницам с бухлом говенным, но не совсем говном. Я как-то дремал в подвале нашем, услышал – Витька Натахе что-то про бонусы свои годовые, про турции и египты толкает, зовет в светлый капитализм – с ним, значит, со шлюхой продавшейся. Я как с полки приподнялся, сразу Витьку за кадык и на улицу. Охуел совсем, говорю, падаль. Мы с голой жопой честно и без стыда, а ты к Натахе с менеджерством своим? Думаешь, нужно ей все это дерьмо твое да втихаря? Убью, сука, нахуй! Виктор побледнел, но в глаза мне смотрел, не отворачивался, я его тогда чуть обратно не зауважал. «Это ты и компания твоя дерьмо», – твердо сказал Виктор. – «А Наташу я...» Чего он там дальше бредить собирался не суть, я его уже убивать гриндерами по харе начал. Натаха меня остановила, говном пидорским обозвала. Ну, получила в морду, разумеется. Раньше я никогда не видел ее плачущей. Она отвернулась и ушла, не

убежала. А я стоял и пялился ей вслед, напрочь забыв про Витьку. Сейчас я могу сказать, что за секунду до моего подлого и предательского по своей сути удара, она смотрела на меня таким родным и знакомым взглядом, будто бы она Ви-вьен Ли, а я Кларк Гейбл. Блядь Хуейбл.

Витька исчез, как испарился – ни слуху, ни духу. Натаху я тоже долго не видел, хотя специально ее в подъезде караулил. Уж начал думать, что она и вправду с этим слизнем в Турцию умотала, когда случайно ее на улице встретил. Натаха все больше молчала, на расспросы мои как-то через отъебись отвечала. Возле ее подъезда предложил закурить. Стоим, дымим. Тут она вдруг прямо на сигарету мою во рту еблицем бросилась – поцеловала. Щеку обожгла, я блядь охуел, и убежала, ничего не сказав. Вряд ли меня кто-нибудь когда либо мог заподозрить в проницательности, но, кажется, тогда я все понял. То есть, идиотом при любых трактовках обстоятельств остаюсь я, даже если Виктор не князь Иволгин, а Наталья вовсе не Настасья Филипповна.

Я стал звонить Натахе каждый день, мы долго болтали по телефону о всякой хуйне. Иногда встречались, катались на тролле по Садовому, круг за кругом, шлялись по Арбату и Тверику. Натаха перестала быть своим пацаном в нашей компании, потому что стала моей чувихой. Я сам пришел и рассказал об этом пацанам. Даже не пикнул, когда они меня на снегу ногами месили – по-честному Натаха того стоила. Получая пизды от друзей, я, кажется, впервые испытал чув-

ство гордости и причастности к великому круговороту жизни. Первый раз меня били за что-то действительно прекрасное, настоящее и ненапрасное.

Натаха устроилась официанткой в забегаловке возле метро. Я тоже подкалымливал на Курском вокзале, разгружал ночами неведомую хуйню, за неведомость которой приплачивали. Витька, дай я ему по яйцам в тот день, когда он начал клеить Натаху, вполне мог стать Абеляром, но его идеи, как оказалось, вдохновили девку. Натаха мечтала вслух о турциях и египтах, но я был не против, так как мне в ее мечтах отводилось далеко не последнее место. Когда она говорила о странах – совсем-совсем других странах, настолько других, что и представить себе невозможно – ее глаза загорались, будто бы она уже там, видит искрящиеся моря, пальмы, пляжи и всю прочую хуйню. Каждый месяц мы стали откладывать по половине нашего невеликого заработка, чтобы хоть на недельку съебаться к этим ее землям обетованным. Стремление Наташи было таким заразительным, что я боялся дать волю собственным фантазиям – что, если мы очутимся там вдвоем. Смогу ли я соответствовать ее представлению о заслуженном и выстраданном, но все же конечном, рае? Удастся ли мне самому выдержать это счастье? Пьянящее и одновременно пугающее предвкушение познания чего-то большего, чем все то, на что я мог надеяться. Разочароваться в себе или во всем, кроме себя, – не одно ли это и то же?

За год мы наскребли бабла на недельку жизни вблизи моря. Натаха затыкалась, давая капельку отдохнуть от ее восторгов, лишь чтобы присосаться ко мне очередным поцелуем. Ебите меня ментавром, если когда-нибудь я был более счастливым мудаком! Пока тролль тащил нас до Шаболовки, где мы собирались купить путевки, я заметил, что какой-то хуй, сидящий с краю, постоянно на нас с Натахой пялится, но стоит взглянуть на него прямо – глаза отводит. Я, счастливый и благодушный, как папаша Дюма, пропивающий гонорар за «Двадцать лет спустя», наклонился к любопытствующему и сказал: «Чувак, да, мы трахаемся. И это супер. Тебе, судя по твоему рабочему ротуку и пидорской стрижечке, жоподавалка, должно быть это не в кайф, но, блядь, извини. И если еще раз, голубососик, чмоту свою в нашу сторону вскинешь – не обижайся, уебу на месте». Чувак на меня вытаращился так, что чуть зенки не потерял. Дернулся, чихнул, кашлянул и выскочил из тролля на первой же остановке. После я жалел, что дал ему так просто уйти. Сейчас же я думаю, что он и сам подхватил заразу так же, как я. Слишком уж он напрягся на оскорбления «жоподавалка» и «голубососик» – словно, впервые такое в свой адрес услышал.

Одно апчхи, две недели, и вуаля. Практически, пост мортем. Не знаю, страдал ли я раньше депрессией. Скорее всего, нет, так как не знал, что это такое. Что ни меняется – к лучшему. Так, кажется, шутили первые оседлые поселенцы Восточно-европейской равнины. В отчаянии я думал о

самоубийстве, горько усмехаясь каламбуру: «Что НЕ меняется – то к лучшему». Я изменился – я чувствую это каждой клеточкой тела, вижу это в зеркале, хоть никто ничего не замечает, разве что Наташа. Я никогда не думал, что в жизни бывает всякое, потому что практически никогда не думал вообще ни о чем. Теперь же изменилось все. Наташа говорит, что ей нравится то, каким я стал в процессе развития наших с ней отношений. Бедная дурочка! Я обращался к врачам – они признали свое полное бессилие. Гомосексуализм, переданный воздушно-капельным путем, говорят они, не лечится. И добавляют: «По-хорошему, нам бы следовало вас изолировать, но Международная Ассоциация по защите прав Сексуальных Меньшинств сильна, как никогда. Они докажут, что с рождения вы были голубее, чем вертолет волшебника». Так-то вот!

Лично я думаю, что это новое биологическое оружие – опылил им континент-другой, и через пятьдесят лет или раньше, если ему помочь, враг вымрет. Ах, говорит Наташа, я обожаю тебя, когда ты такой. Да я, черт меня побери, сам уже обожаю себя, когда я такой! Но Наташа! Завтра мы улетаем в проклятый отпуск. Боже мой, как мне быть и что делать? Какая горькая ирония, в результате я не могу заставить (заставить? О, нет, я даже ПРЕДСТАВИТЬ себе этого не могу) хотеть того, что было моим главным желанием и смыслом жизни. Что я ей скажу? «Знаешь, Наташа, я гей, прости, я тебя очень люблю, больше жизни, больше себя самого

и всего, что только есть, но...» – я не знаю, что дальше. И это правда. Что будет за вскрытием этой правды? Стыдливое признание в том, что мне приглянулся смуглый юноша на ресепшне нашего отеля?

Комментарий №7

Артист театра юного зрителя Павел Евгеньевич Дофилюк, из публикации в социальной сети «Одноклассники»:

«Своевременное и правильное сексуальное воспитание мальчиков крайне важно не только для мальчиков, но также для девочек, родителей мальчиков и родителей девочек. Когда мальчик начинает испытывать сексуальное влечение, необходимо подробно и внятно объяснить ему, что с ним происходит и почему это происходит. Жизненно важно донести до подростка, что он проходит вполне естественный процесс взросления, что это нормально и ни в коем случае не постыдно. Разъяснительные беседы должны быть ежедневными и максимально продолжительными, чтобы у мальчика, осознавшего свою сексуальность и почувствовавшего «зов» естества, не оставалось времени и сил на рискованные и зачастую дурно оканчивающиеся попытки получить реальный сексуальный опыт».

Эпизод №7. Подвал

Когда я был совсем еще мелким, мы с пацанами просто тащились от подвалов. То есть наоборот, это нас в подвалы

тащило мега-ядренной силой – больше, чем куда-нибудь еще. У каждой уважающей себя компании имелся собственный облюбованный подвал, с которого они сбили замок дворника и повесили свой. Ну, понятное дело, подвал захватывали, чтобы устроить в нем все по-своему – обклеить стены плакатами с обнаженкой, безбоязненно пить водку, курить, плевать на пол и все такое – типа ты на СВОЕЙ территории. Ведь за пределами подвала ничего своего у нас просто не было. По слухам, некоторые особенно крутые парни устраивали в подвалах дискотеки со светомузыкой и зеркальными шарами, спортзалы с самодельными тренажерами и даже кое-что покруче. Что такое «кое-что покруче»? Понятия не имею. Если ты не был в команде, то путь в подвал тебе был заказан. Лишь до ушей долетало, что в прошлую пятницу в пещере у тех-то и тех-то «было кое-что покруче дискотеки».

Разумеется, я в команде не был – со своими-то проклятьями музыкальной школы и мамочки, целиком отдающейся ужасу, если в телеке «Спокойной ночи, малыши», а меня нет дома. Точнее, я был в команде таких же домашних мальчишков-зайчиков, чье имя легион. Как один из них, могу сказать – бойтесь таких мальчишков. Резервуары их терпения и благости кажутся безграничными, но это не так. Время последней капли неизменно наступает, и тогда... Да что о грустном. Сами, небось, знаете. Соседи говорят «такой вежливый был, здоровался всегда, в подъезде пропускал вперед себя», а в квартире горы трупов, на балконе тушенка из человечины,

в гараже жертвенный сатанинский алтарь, а на даче мама – огурцы с помидорами поливает. И звонит каждый день, как по телеку «Спокойной ночи» начинается. Стоп! Не будем о грустном. Своя команда у меня все-таки была. Воха – школьный отличник, больной на всю голову, гениальный кларнетист, склонный к пиромании и всяческому уродованию своей и без того блевотной внешности прической и одежным тряпьем. Даня – обычно осторожный, как сапер на прицеле у снайпера, извращенец, но способный одинаково быстро загрузить невинного человека и сыграть «Полет шмеля» на домре. Юрик – классический хоббит, пухлый и обожающий кексы, а также играющий во все, попадающие в короткопалые лапы, игрушки, включая аккордеон, до победного уничтожения кольца всевластия. А я... да что я? С такой компанией и так все ясно. Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу «сильвупля». Не имея шанса подмазаться ни к одной команде, владеющей подвалом, мы решили обзавестись своим – если уж не для «чего-нибудь покруче», то чтобы было где отсиживаться во время уроков физкультуры, которые нами прогуливались с неизменными усердием и регулярностью.

Идея, конечно, принадлежала извращенцу Дане. Это он заметил разрушенную пятиэтажку, но с уцелевшим подвалом и поблескивающим массивной дужкой амбарным замком на его двери. Силенок, чтобы сбить замок, не было ни у кого из нас, зато металлическая дужка живо напомнила Юрику пресловутое кольцо. Безо всяких сожалений Даня

выдрал басовую струну из жалобно скрипнувшей домры и вручил ее Юрику. Ковырнув концом струны в личинке замка до щелчка, хоббит вытащил дужку из петель, и дверь распахнулась. Первым в сырую мглу, которая должна была стать нашим персональным клубом, ринулся Воха, освещая свой путь зажигалкой, коих при нем всегда было в достатке.

– У всех парней в подвалах электричество есть, – заметил Юрик, не спеша идти за Вохой.

– Потому что сверху их подвалов дома с электричеством стоят, – предположил я. – А тут руины. В подвалах Карфагена, наверное, тоже с электроснабжением плохо.

– Да ну! В темноте прикольнее! – с придыханием и сглаживанием слюны отозвался Даня, заставив меня задуматься над острой проблематикой вопроса «какого черта я здесь вообще делаю».

– Вау! – послышался приглушенный голос Вохи. – Парни, идите сюда! Тут такое!

– Дебил, – вздохнул Юрик, и крикнул вглубь подвала: – Как мы в темноте спустимся-то?!

– Ща! – через пару секунд сияющий лоснящимися волосами и сочными прыщами Воха возник на пороге, сжимая в побелевших пальцах горящую зажигалку. Недолго думая, Даня поднес домру к язычку пламени. Лакированное дерево загорелось быстро и охотно, отчего Даня и Воха одновременно выдали по омерзительно-сладострастному стону.

– Ну-ка, дай сюда, – Юрик вырвал импровизированный

факел из рук продолжавшего закатывать глаза Дани и двинулся вниз по лестнице. Даня пошел следом за домрой, Воха – за огнем, а я за ними всеми.

– Правда, круто? – спросил Воха, когда свет факела выхватил из темноты стол с лежащей на нем неподвижной гигантской фигурой. Ему никто не ответил, даже Даня. Мы разглядывали лицо, которое, казалось, гримасничало в отблесках пламени, дрожащих вместе с рукой Юрика.

– Это к-к-к... – заговорил Даня – заикаясь, чего раньше за ним не наблюдалось.

– Спрашиваешь, кто это? – подсказал я.

– Не, – отмахнулся Даня. – Это к-к-круто!

– Да, кто это? – хоббиту фигура явно ничего не напоминала.

– Женщина, голая. Наверное, мертвая, – ничего, кроме того, что и так было очевидным, я не сказал. Темноволосая, с белоснежной кожей и красивыми чертами лица. Пропорции тела казались нормальными, но сами размеры явно превосходили норму.

– Мертвая ца-царевна! – выдохнул Даня.

– Сожжем ее, раз все равно мертвая? – с надеждой спросил Воха.

– Нет! – неожиданно пронзительно взвизгнул Даня.

– Да она сутки гореть будет, даже если ее в жерло вулкана сбросить, – поежился Юрик. – Я рядом с ней себя коротышкой чувствую. Гномом каким-то.

– И вообще, может она и не мертвая вовсе, а спит, – подытожил я. В затхлом воздухе повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием догорающей домыры.

– У тебя борода загорелась! – внезапный восторженный крик Вохи вывел нас из ступора. Но на свой счет информацию не принял никто, потому что бороды ни у кого из нас не было и быть не могло.

– А-а-а!!! – завопил Юрик, раньше, чем мы успели переспросить Воху, что он имеет в виду. Выронив обуглившийся инструмент, хоббит бросился к выходу, но промахнулся и со всего размаху налетел на бетонную стену. Взяв Юрика под руки, мы с Даней потащили его выходу – дорогу нам освещали тлеющие и чадающие волоски невесть откуда взявшейся у хоббита бороды.

Оказавшись снаружи и посмотрев друг на друга, прежде чем заорать самим, мы ощупали собственные лица. А уж потом заорали во все глотки. Сомнений не осталось – мои руки вместо щек наткнулись на жесткую кучерявую поросль, а глаза – на такую же растительность на лицах Вохи, Юрика и Дани.

– Мой отец до пятнадцати лет не брился, – задумчиво сказал Даня, прекратив орать.

– Юрику теперь вот тоже долго бриться не придется, – кивнул Воха. – У него борода до макушки сгорела.

– Да о чем вы?! – не выдержал я. – Нам по тринадцать лет, а у нас за минуту бороды, как у Льва Толстого отросли. Что

вообще происходит?!

– Стареем? – опаленный хоббит подал слабый голос. Я с ужасом вспомнил сказку о потерянном времени, в которой злые волшебники превратили малолетних оболтусов в стариков, а сами омолодились. Но, взглядевшись в лицо Юрика и тщательно осмотрев собственные руки, успокоился – никаких старческих признаков не было.

– Нет, – сказал я. – Время внутри подвала, судя по всему, идет с той же скоростью, как и снаружи.

– А кроме бород вы ничего не заметили? – хитро спросил Воха.

– Ты про это? – Даня опустил глаза к своему паху. – Такое и раньше случалось.

– Я, кажется, тоже возбудился, – пробормотал Юрик.

– Ну и что? – злясь на свой колом вставший член, огрызнулся я. – У висельников, говорят, так встает, что пуговицы от ширинки как автоматные очереди летят.

– Бороды, стояк, – Воха сделал многозначительную паузу. – Парни, мы стали настоящими мужиками!

– Пошли отсюда, мужики. Завтра в школу, – сказал я. Никто не возражал. Юрик повесил замок обратно, хоть и не стал его защелкивать, и мы молча пошли домой к Дане. Его родители возвращались поздно, поэтому у нас был шанс сбрить бороды в комфортных условиях и без лишних вопросов.

Следующим утром мы выглядели как обычно, разве что у меня, Вохи и Дани щеки, подбородок и шея горели десятком

порезов первого экстренного бритья, а лицо Юрика блестело мазью против ожогов. Конечно, никто из одноклассников не обратил на это ни малейшего внимания, как не обращали его на нас в целом. О подвальных приключениях мы не говорили. Только Даня радостно сообщил, что отец наказал его за «потерянную» домру.

В детстве ход времени воспринимается по-другому. Одна неделя школьных забот и переживаний все равно, что месяц или целый год взрослой жизни. Поэтому через неделю я почти забыл о подвале и найденном в нем теле. Вспомнить меня об этом заставил Даня, однажды явившийся на репетицию ансамбля со свежими, еще кровоточащими порезами на щеках, и странным блеском в глазах.

– Ты снова ходил туда? – еле дождавшись конца репетиции, коршуном налетел я на Даню. – Зачем?

– Я подумал, что если натаскать в подвал побольше свечей и плакатов, принести магнитофон с батарейками, пару каких-нибудь матрасов и стулья, так будет очень уютно, – благостно улыбаясь, ответил Даня. – Хотел сделать сюрприз для тебя и парней.

– Уютно?! – я не поверил своим ушам. – Там же труп валяется!

– Ну, другого подвала нам все равно не найти, – Даня по-серьезнел. – Да и не труп там вовсе. Тело не гниет. Наоборот – оно дышит, еле-еле, но дышит – я проверял. Только...

– Что только? – в моей голове уют и посиделки в компа-

нии с тремя аутсайдерами и гигантской женщиной, впавшей в кому, никак не совмещались.

– Только мне кажется, что это не совсем женщина, – перейдя на шепот, сказал Даня.

– Как это?

– Понимаешь, у нее грудь не отстегивается, – Даня сглотнул слюну. – И члена нет.

– Ты что, рылся в ее промежности?!

– Да. Я сначала думал, что члена просто из-за волос не видно... а там его вообще нет.

– И что же тогда там? – ситуация стала слишком абсурдной. Даня всегда был с приветом, но сейчас мне показалось, что крышу ему снесло окончательно.

– Ничего! Полное отсутствие присутствия! Дырка! – истерично воскликнул Даня.

– Может быть, просто рана, – предположил я, чтобы немного успокоить друга. – Там рубцы есть, шрамы?

– Да, что-то похожее, – согласился Даня. – Но грудь все равно не снимается. Она как живая – продолжение тела, как руки и ноги. И там нет ни швов, ни рубцов, ни шрамов.

– Опухоль, – предположил я.

– А ее лицо? – продолжил Даня. – Она не мертвая, лежит в подвале не меньше недели, а на щетину и намека нет. Щеки гладкие, как будто их вообще никогда не брили.

– Ну, моя мама рассказывала, что она начала бриться только в восемнадцать, – неуверенно сказал я. На самом де-

ле, если Даня ничего не путал, то крыть мне было нечем. Женщина (или то, что мы сначала приняли за женщину) было явно старше двадцати лет. В этом возрасте пара дней без бритвы – и щетина становится заметной на щеках даже светловолосых женщин. Подумав, что беру на себя слишком много, я решил ввести в курс дела остальных соучастников.

– Я слышал, что в Таиланде есть такие странные женщины, которые совсем не похожи на женщин, – сказал умный Юрик. – Может быть, в подвале лежит тайка? Правда, тайки, вроде бы мельче обычных женщин.

– Тайка-переросток без члена и растительности на лице, но с опухшей грудью, спит летаргическим сном в подвале снесенной московской хрущевки? – Воха цокнул языком. – Звучит крайне правдоподобно.

– Не забывай, что еще рядом с ней у всех вырастают бороды и случается эрекция, – добавил Даня.

– Да, так гораздо лучше, – усмехнулся Воха. – Хорошо, что хоть рогов и хвоста у нее нет. Правда, на счет хвоста это еще проверить надо.

– Парни, что делать будем? – сомнений в том, что нужно что-то предпринять у меня не было. – Вдруг это инопланетянин?

– И что? Тогда любой бред можно свалить на проявление неизведанных глубин космоса? – Воха хищно оскалился. – Предлагаю сжечь – и сказочке конец.

– Кларнет свой сожги, – проворчал баянист Юрик, зная,

как Воха злится из-за огнеупорности своего инструмента. – Лично я предлагаю еще раз сходить в подвал. Что-то мне подсказывает, что там могут оказаться самоцветы и золото.

– Слышь, хоббит, ты ж не гном, чтобы за блестяшками по подземельям бегать, – огрызнулся Воха, помня, как бесится Юрик, когда его в лицо называют хоббитом.

– А можно я ее домой возьму? Она мне нравится, – подал голос Даня. Всем понадобилось не меньше минуты, чтобы понять, что он говорит о теле неизвестного существа.

– Стоп! – крикнул я. – Если вы сейчас же не перестанете играть в лебеда, рака и шуку, я пойду к родителям и все им расскажу. Уж они-то придумают, что с этим делать.

– А ты, осел-козел-мартышка-косолапый-мишка, квартет с нами забавать хотел? – Воха нервно чиркнул зажигалкой. – Конечно, ты же у нас барабанщик – иди, настучи. А мы пока книжку «Судьба барабанщика» читаем.

– Может быть, лучше еще раз спустимся туда, посмотрим, нет ли каких-нибудь зацепок? – робко предложил Даня. Чтобы не раздувать конфликт, все согласились.

На этот раз мы вооружились фонариками, так что нашим стремительно отросшим бородам поджег не грозил. Юрик сразу растворился в боковых ответвлениях, закутках и нишах, шурша и вынюхивая золото. Воха лизнул свисавшую с труб стекловату утеплителя огоньком зажигалки. Даня приблизился к телу существа, положил обе ладони на его грудь и застонал. Грудь, надо сказать, действительно казалась про-

должением тела. На счет отсутствия пениса и мошонки сказать сложнее – так их видно не было, но зарываться в густые волосы, скрывающие лобок, я побрезговал. В своей жизни я видел не так уж много голых женщин, но твердо знал, что иметь пенис для них так же естественно, как мужчинам иметь два уха и два глаза. Красоту пристежных грудей я не понимал, но ребята постарше и взрослые мужики говорили, что просто тащатся от них. Впрочем, волна возбуждения накрыла меня и в этот раз, породив твердокаменную эрекцию. Пока Воха, Даня и Юрик развлекали собственных демонов, я решил заняться тем, зачем мы сюда пришли – поискать зацепки. Шаря лучом фонарика по полу, я постоянно наткался на использованные презервативы, конфетные фантики, пустые бутылки, отжатые вазелиновые тюбики, окурки, пакетики из-под растворимого кофе и прочий мусор, какого полным полно в любой подворотне. Разочарованный, я бросил поиски и, крикнув ребятам «пока», отправился домой.

Я рассчитывал, что успею сбрить бороду до прихода родителей, и никто ни о чем не догадается. Но на пороге квартиры меня встретила мама. По злой иронии ее лицо наполовину скрывала пена для бритья, а в руке она держала бритву Жиллет, подаренную ей папой на восьмое марта.

– Так, – увидев мою бороду, мама грустно вздохнула. – Я знала, что этот день наступит, но не думала, что так скоро. Еще вчера ты был моим маленьким мальчиком, а теперь ты – мужчина. Заходи, скоро придет папа, ему надо будет с тобой

поговорить о э... взрослой жизни.

– Сынок, ты только не переживай, – сказал мне папа, узнав от мамы о моей бороде, которую я к его приходу успел сбрить. Он сел рядом, ободряюще похлопал меня по плечу и начал речь, к которой, судя по всему, давно готовился: – То, что происходит с тобой – это нормально. Ты не должен испытывать никакого стыда, а, тем более, чувства вины. Все проходят через это – кто-то раньше, кто-то позже, но так уж устроена природа. Ее зову противостоять глупо и попросту невозможно. Возможно, даже лучше, что ты самостоятельно дошел до своего возмужания, без моих советов и наущений. В дальнейшем ты сам поймешь, что ничего ужасного в том, что ты сделал, нет. И тогда, я полагаю, тебе захочется повторить этот опыт. Запомни, в этом нет ничего предосудительного. Конечно, природа использует данный механизм для продолжения нашего рода – человеческого рода, но нет ничего преступного в том, чтобы получать от этого удовольствие. Разумеется, не следует всецело отдаваться этому занятию, иначе можно попасть в зависимость от него. Это как сесть на наркотики – тогда твоя личность разрушится, и ты не сможешь получить образование, сделать карьеру, завести семью. Так что опасность только в том, чтобы не вкладывать в это э... душу. Понимаешь? Например, моя душа, как и сердце, полностью принадлежит твоей маме. Но без ЭТОГО, повторяюсь, у нас бы не было тебя. И да, изредка я позволяю себе это ради удовольствия – чтобы отпраздновать удачную

сделку, например. В таких случаях, конечно же, нужно пользоваться презервативом. Кстати, ты пользовался презервативом?

– Нет, но... – начал я, но папа меня перебил.

– Боже, нет! – его лицо побледнело. – Я дурак, дебил, идиот! Как я мог не предупредить тебя! Ты же мог заразиться! Где это произошло? Может быть, я ее знаю?

– На Народного Ополчения, в подвале 14-го дома, – ответил я. – Но...

– В снесенном доме? Только не это! – папа горестно вцепился в волосы. – Тамошнюю пользуют одни наркоманы и бомжи!

– Папа, я ее не... пользовал, – наконец мне удалось сказать это. – Я девственник.

– Ты хочешь сказать, что тебе удалось... – в глазах папы мелькнула искорка надежды, – устоять? Что ты просто зашел, тут эта борода и все такое? И ты просто ушел?

– Да, папа, все так и было, – ответил я.

– Уф, камень с души, – папа счастливо улыбнулся. – Помни, я и мама тебе ничего не запрещаем, только будь аккуратен. Пожалуйста, побереги себя.

Комментарий №8

Юрист-культуролог Матвей Автандилович Тёрый, из апокрифа ««Есть ли душа у иностранцев?» или «Правовые основы умерщвления иноверцев в естественной среде их оби-

тания»»):

«Заграничные страны для русского, а уж тем более для советского человека всегда были чем-то загадочным, неизъяснимым, но при этом экзотическим и волшебным. Мистическими, подчас совершенно фантастическими характеристиками наш народ наделял все аспекты иностранной жизни – обычаи, моду, кухню, и, конечно же, секс. Последний вызывал особенный интерес и жаркие споры. В частности, в трудовых коллективах и дружеских компаниях среди мужчин нередко возникало нечто, напоминающее спортивное состязание. Так, один из участников негласного соревнования, посетив очередную страну в ходе рабочей командировки или в качестве туриста, по возвращении первым делом рассказывал о своих сексуальных контактах с чужестранками. Подобные рассказы пестрели пикантными подробностями и занимали не один час, а порой и не один день. Спортивная же составляющая этого процесса заключалась в том, что коллеги или друзья мужчины, последним вернувшегося с чужбины, наперебой пытались доказать друг другу и самим себе, что именно их сексуальный опыт, полученный в странствиях, наиболее ценен. В таких спорах за аргумент часто сходили реплики вроде «Подумаешь, три болгарки, чешка и две полячки. То ли дело мои пять вьетнамок и тайка!» или «Десять француженок за пять дней? Не позорься враньем! Я пусть и всего двух британок за две недели, зато по честно-му» или даже «Четыре из Нигерии, три из Румынии, две из

Сомали, по одной из Уругвая, Мексики и Израиля. Ничего я на международную конференцию в Минск съездил, да? И вот если сейчас мне хоть одна тварь хоть что-то возразит или противопоставит, то на месте харю ему снаружи к затылку припечатаю»».

Эпизод №8. Корнуолл

Как часто в горестной разлуке, в моей без... радостной судьбе. Радостной и счастливой – я думаю о тебе, и ты всегда спасаешь меня.

Утренняя голова – пушечное ядро при отсыревшем порохе, тяжела и грозит лишь тем, что упадет и отдавит ноги. Я не лягушка, мне нет необходимости двигать ногами, чтобы взбить молоко и почувствовать скользкую опору масла. Под ногами серая каша, и кто бы с ней чего не делал, ее всегда прибывает. Перед глазами серая каша пальтишек и шапочек, перемешанных открывающимися и вновь захлопывающимися створками вагонов, шуршанием и стуком колес. Если фокусировать взгляд, можно выдрать из месива клочки волос, носы, глаза, бусинки наушников без уха или ухо без серьги, но с дыркой для нее – все это смешивается в блюдо дня – пиццу с мордопродуктами. Я не так уж слаб желудком, тошнота мне не грозит, но велика опасность, что я представлю себе эту кашу воздухом, вдохну ее, и мои легкие – кури не кури, не справятся, откажут. Закрыв глаза, выученным маршрутом, сочетающим аппендиксы нескольких

транспортных маршрутов, следуя за утром, вспоминая тебя, – и дышу твоим воздухом, наполненным легким ароматом омелы. Я слышал идиотские споры о том, жизнью ли пахнет омела, смертью, любовью или похотью. Я-то знаю, что она пахнет тобой.

Отлаженный механизм рабочих движений хорош для тех, кто буднично ищет забвения с 9:00 до 18:00. Эти фрикции не сулят никакой развязки, кроме унылого многоточия, даже тем, кто женат на работе. Увлечшись ими можно отключиться от всего – проблем, тягот ожидания, боли, какой угодно неудовлетворенности. Сосредоточенность повышает уровень профессионализма и снижает вероятность ошибки. Но я думаю о тебе, будь то зима – тебя освещает яркое солнце, а на земле не каша, а снег, тронутый для забавы петляющим заячьим следом, лето ли – сладкая не душная нега зелени, в которой валяться и валяться лицом в небо, в тени от облаков. Мой профессионализм стремится к нулю, я делаю ошибку за ошибкой, зато у меня нет ощущения, что кто-то каждый день вырезает из меня по девять часов жизни, притом скупясь на достойную оплату такого донорства. Нет, я проживаю свое время с тобой.

Отупляющий хмель вечера раскрашивается пестрыми пятнами одноразовых фильмов, в которых не было бы никакого толку, не умей я находить в кадре тебя, или чего-то, напоминающего о тебе. Ты знаешь, я понял, что все снятые фильмы – они о тебе, если в них есть хоть доля секунды,

задерживающая дыхание на прекрасном – слове, лице, ноте или чувстве, болезненном ударе в нерв или невинном поцелуе. Я так радуюсь, когда нахожу новые подтверждения этой своей правоты, как будто расстояние между нами вмиг исчезает, как будто мы вместе, и это самое настоящее «здесь и сейчас» из всех других возможных.

Ночью приходит она, угловато пролезает под одеяло, громоздит свои бедра поверх моих, в ее поцелуях много влаги, но совсем нет свежести. Это можно было бы назвать пыткой, душной и липкой, похожей на мучительный жар лихорадки, но ты спасаешь меня. Я представляю, что нахожусь в тебе, мой милый Корнуолл. Из мягкого тумана твоих долин, неспешно поднимаясь к вершинам изумрудных холмов и вновь спускаясь, я дохожу до конца земли – мыса Лендс-Энд, за которым лишь прохладный покой дремлющей мощи Атлантики и ветер, много-много свободного ветра.

Комментарий №9

Финалист второй тройки игроков капитал-шоу «Поле Чудес» (эфир от 17 февраля 2017 года) Усман Усамович Ныйин, из туристического путеводителя «Душанбе: от заката до рассвета»:

«Версии, будто бы слово «залупа» могло произойти от древнеиндийского *lōrauatī* (ранить), греческого *λύπη* (тоска) и древненемецкого *loub* (листья) способны разве что рассмешить. Истинные этимологические корни этого красиво-

го слова уходят к латинскому *lupa* – волчица. Тут не следует искать связи с проявлениями зоофилии. Да, в ту пору животные нередко использовались для справления сексуальных нужд, но то были преимущественно овечки и козочки, но никак не волчицы. Волчицами же в Древнем Риме называли проституток, что само по себе говорит об уважении, проявляемом римлянами к этой профессии – ведь волчица, вскормившая Ромула и Рема, является неизменным символом Вечного города. Вполне естественно и логично, что часть тела, влекущая за ласками к волчицам (лупам) в публичный дом (лупанарий), получила название залупа. Идя за лупой, человек влеком залупой. Так сказать, ЗАботясь о клубничке, ЗАботится и о лупе».

Эпизод №9. Динозавр по имени Ира

«Я требую быть расцелованной от зубов до хвоста» – написала Ира мне в чате. Маленькая и неудачная месть за то, что я называю ее динозавром – холоднокровной тварью из тех, что правят планетой 130 миллионов лет, а потом вымирают, не оставив потомства. В следующий раз назову ее амёбой и дарю вечное царство – любопытно, каково будет воздаяние.

– А я тут по твоей рекомендации посмотрел фильм про Троцкого, – ее парень Тёма обожает ставить меня в неловкие положения, которые, впрочем, иницирую я. Вот сейчас он вошел в комнату раньше, чем я вышел из Иры. К сча-

стью, входить и выходить из нее я могу совершенно бесшумно, иначе чувство неловкости заставило бы меня разыграть сцену альтернативной ревности – той самой, когда изображаешь свою смерть исключительно с целью убить время, в течение которого тебя могут убить. Вход в Иру очень похож на черный ход, тихий и безлюдный, с дверью, маскируемой грязью гаражей-ракушек. Здесь опасаться стоит только тем, кто сам безопасен, я же опасен всякий раз, когда молчу.

– Ну, и чему тебя этот фильм научил? – стараясь не сбиться с ритма подзатынувшихся входов/выходов, спросил я Тёму.

– Ничему. Я просто лишний раз порадовался тому, что ты не слишком успешен. От твоих крыльев только та польза, что они мешают тебе спать.

– А, да, посмотри еще...

– И еще я порадовался тому, что ты, сволочь, такой добренький. Обычно люди как посрут, так воду в унитазе за собой смывают, – перебил меня Тёма. – А ты, урод, на говно сначала подроочишь, а потом смотришь, ждешь, не даст ли твое семя плодов, не вырастет ли чего.

– Это ты про себя что ли?

– Да, про нас с Ирой, – ответил Тёма.

– Она не говно, она динозавр, то есть, амеба.

– А завтра ты сделаешь нас артистами бродячего цирка, но с темным прошлым слышь ты урод я к тебе блядь обращаюсь иди сюда я сказал на на блядь нравится сука еще по-

лучи мразь как же я тебя ненавижу!

– Вот как? – я провел по лицу ладонью и с удивлением увидел на ней размазанную кровь.

– А ты что думал? – Тёма мрачно ухмыльнулся. – Я не дурак, я давно понял, что ты нас выдумал. Трус ты, у тебя кишка тонка на глазах у мужа его жену ебать, если они реальные люди, а не как мы – говно твое высранное, но мило-стиво обдроченное и не пущенное по кишкам канализации.

– Кто тут чей муж? – я бесшумно покинул Иру.

– Он мой, – ответила она. – Не ожидал?

– Нет, – признался я. – Такого я не планировал.

– И я беременна, – сказала Ира.

– От него? – я невольно усмехнулся. Персонажи не могут размножаться без моего ведома – уж в чем я уверен на все сто процентов, так в этом.

– От тебя, – в глазах Иры сверкнула ненависть.

– Знаете, раз вы такие умные, то могли бы догадаться – такой хуйни бы я придумывать не стал, мне и в жизни мыльных опер хватает, – день непослушания Иры и Тёмы начал мне надоедать.

– «День непослушания Иры и Тёмы» – такую пошлость тебе придумывать нормально? – Тёма оскалился.

– Пошли вы нахуй, – ответил я, стараясь не обращать внимания на то, что футболка пропиталась кровью, которая сочилась из моих пор вместе с потом.

– А-я-яй, игнорируешь факты, – Ира покачала головой. –

Мы женились у тебя за спиной, во мне растет настоящий человек, и при всем этом ты до сих пор не понимаешь, что нахуй идешь именно ты?

– Картина маслом «Микки Маус убивает Уолта Диснея», – я попытался подумать о чем-нибудь, не связанном с Ирой и Тёмой.

– Зря стараешься, – сказал Тёма. – Лучше не сопротивляйся – тогда будет не так больно.

– Извини, но по-твоему не будет, – я посмотрел на часы. – Через пару секунд бушующий за окном ураган повалит дерево. Ветка разобьет стекло и крошечный осколок перебьет сонную артерию Тёмы.

– Он нам не верит, – сказала Ира, подойдя к окну. Когда стекло от удара ветки взорвалось фонтаном осколков, она высунула длинный, как у хамелеона, язык и перехватила им тот самый кусочек стекла, который должен был убить Тёму.

– Видишь? – Тёма оттянул ворот водолазки и продемонстрировал невредимую шею. – А тебе так не повезет. Рви!

– Что рвать? – не понял я, но в тот же миг Ира обеими руками вцепилась в мои крылья и вырвала их так же легко, как дети отрывают крылышки мухам.

– Не ты ли жаловался, что два крыла по плечам мешают спать по ночам? – усмехнулся Тёма. – Но хватит шуток. Ира, кончай его.

Ира разинула огромную, как у тираннозавра, пасть и кляцнула зубами возле самого моего носа.

– Здравствуйте, я по поводу комнаты. Помните? Мы с вами вчера созванивались, – девушка в очках и клетчатой юбке улыбнулась Тёме. – Я Наташа, помните? Мы вчера разговаривали.

– А... да, конечно, – Тёма шумно сглотнул набежавшую слюну. – Не обращайтесь внимания на бардак – к нам с утра в гости друг заходил – он узнал, что скоро отцом станет, поэтому пьяный и вообще, устроил тут...

– Ничего-ничего, я все понимаю, – ответила Наташа. – Скажите, а динозавр у вас все время по квартире гуляет, или вы его все-таки в клетке обычно держите? Я против животных ничего не имею, даже наоборот, просто боюсь, что он будет нервировать моего Финю.

– Финю? – растерянно переспросил Тёма.

– Да, это мой декоративный осьминог, – ответила Наташа. – Он очень любит группу «Ласковый май» и сериал «Санта Барбара».

– Мы с женой, то есть, с динозавром... – начала Тёма, но Наташа не дала ему договорить. Поскользнувшись на вытекшей из меня луже крови, она упала так удачно, что ее упругое тело оказалось в его крепких руках, а одежда обоих – на спинке кресла.

– Я хочу есть, – сказала Наташа, после того, как ее пот стал неотличим от пота Тёмы, а разбитое стекло почернело от той же тьмы, которая паялилась в целые окна.

– У нас... то есть, у меня ничего не... – Тёма отвлекся

от слизывания Наташиного поцелуя с внутренней стороны своего бедра. – Хотя, пара стейков из тираннозавра осталась. Будешь?

– Буду, – ответила Наташа. – И яичницу.

– Какую яичницу?

– Ты же сам говорил, что твой тираннозавр – самочка с икрой, – Наташа звонко рассмеялась, и Тёма присоединился к ней, даже не подозревая, какую услугу они с Ирой оказали мне. С крыльями спать на спине было практически невозможно, а когда я лежу на животе, сон отчего-то ко мне не идет. И все-таки, нет ничего ценнее таланта вовремя заткнуться.

Комментарий №10

Младший инспектор отдела безопасности женской колонии общего режима №29 Полина Ильична Сюкова, из переписки с осужденным к лишению свободы Михаилом Ашотвичем Ньячуком, отбывающим срок наказания в исправительной колонии строгого режима № 33:

«То, что мы переживаем во время свершения полового акта, в большей степени зависит не от физического тела, а от эмоциональной и интеллектуальной составляющих нашей личности. Или, проще говоря, от нашего настроения и фантазии. В качестве примера приведу Уильяма Бронна по кличке Пиклз («Огурчик»), мясника, жившего в Англии на заре Викторианской эпохи. По свидетельствам современни-

ков, этот мужчина обладал низким ростом, отталкивающей внешностью (заячья губа, косоглазие, изрытая оспинами кожа) и горбом, но при этом слыл величайшим любовником во всем Суссексе. Как-то раз, заключив пари с неким Хью Макледом, торговцем свежей рыбой, Огурчик в течение одной ночи, а конкретно с одиннадцати часов вечера и вплоть до первого петушиного крика, вступил в сексуальное сношение с двумя десятками женщин, удовлетворив сладострастие каждой не менее четырех раз кряду. Когда ошеломленная публика, не смыкая глаз наблюдавшая за являемыми чудесами, потребовала ответа, в чем секрет потрясающей мужской силы Огурчика, тот не стал увиливать и юлить. «А и нету секрета-то, господари милостивые. Ей богу, отродясь не бывало у меня секретов. И как не бывало, так до сей поры и не обзавелся ни единым самым никчемным секретиком. А что с девицами так ловко вышло, так то от радости большой. А радость-то она вся тут» – при этих словах Бронн постукал пальцем по своему низкому, поросшему пегой шерстью лбу. – «Вообразил я себе рожу старика Хью – того, что Маклед – когда моя возьмет, а он пари-то и продует. Представил, с какой миной он мне пять шиллингов проспоренных отсчитывать будет, да так обрадовался! Очень сильно, стало быть, обрадовался. Вы уж, милостивые господари, мне простите, но такой радости словами я передать никак не умею. Зато с девицами-то на радостях таких – самое оно. С девицами, вы уж мяня извините, слов-то не надо, чтобы радостью

поделиться!»»».

Эпизод №10. Раздраженность

Пожалуй, меня сложно выделить из толпы. Обыкновенный мужчина с аммиачными мыслями и солонуватыми проблемами. Во мне нет ни особой остроты, ни сладости – ни внутри, ни снаружи. Если девушка, беспокойся она на счет ванили или корицы – не важно, находясь в переполненном вагоне метро, закрывает глаза, то каждый из мужчин-наполнителей вагона будет мною, а я буду каждым, кто подрагивает вместе с поездом на рельсовых стыках. Я просто статист, один из тех, которые, набравшись в достаточном количестве, делают город городом, а не пустыней – запружают улицы своими движущимися телами и, хоть ниточек и не видно, с марионеточной грацией и послушностью капельками вливаются в потоки городского трафика, совершающего круговорот по сложной сетке публичных капилляров.

Иногда сиреневыми всполохами на свинцовой серости грозового неба в глаза бросаются люди другого сорта. Такие, которые едва бросившись в глаза тут же с антрацитовый четкостью одним лишь положением подбородка дают понять, что ничего подобного не делали – нет, они никогда и никуда не бросались, напротив, это ты, дурень, стоишь (идешь, сидишь) и швыряешься в них своими глазами, приученными выражать невыразительность и полный спектр отсутствия выражений. Встречи с такими людьми – отличный полигон

для рефлексии, и, уверен, что переживал бы их болезненно, не зная цену своим талантам, а, стало быть, и себе в целом. Мой дар в том, чтобы говорить зеленым, красным и синим. А еще я превосходно справляюсь с задачей не искать и не находить для себя приключений. Поэтому совсем не удивительно, что все изменилось именно в тот день, когда эти мои таланты разом, словно сговорившись, не сработали.

Люди раздражаются. Симптомы раздраженности – сыпь, выступающая на изнанке кожи так, что единственно где и как ее можно увидеть, это на внутренней стороне век, зажмурившись. Раздраженность, в отличие от обыкновенности и невыразительности, – серьезное заболевание, делающее личность ущербной. Серость, аммиак и солоноватость можно нести с достоинством, но не воняющий снулой рыбой едкий уксус. Пораженный раздражением человек мгновенно подгнивает желтизной заветревшегося майонеза. Он, не плохой, не злой, не коварный, становится неприятностью для любого, кто его коснется – ни дать ни взять, куча испражнений, а не человек получается. Изъян раздраженности толкает на отвратительные поступки успешнее, чем жадность, ненависть, похоть и высокомерие. Раздраженность нельзя использовать для получения какой-либо выгоды и свершений, ее единственное призвание – портить все подряд. От раздраженных людей я стараюсь держаться подальше. Как правило.

Нет никаких правил, кроме тех, что придумал сам. Например, закон государства становится правилом только то-

гда, когда ты возьмешь за правило следовать ему. И нет ничего проще, чем нарушать собственные правила, потому что, с одной стороны, это самый доступный способ побаловать себя, а с другой – самому себе простишь любое нарушение.

Утомленный жидкой бирюзой дня, я шел в сумраке оттенков темнейшего пурпура, испортить который не могла даже вторичность кошачьих запахов, подтекающих из подвальных окошек и подсвеченных провалов подъездов. Яблочная кислинка приятно щекотала нёбо, поддерживая настроение довольного ненаплевательства – плевать на что угодно не хотелось, потому что растрачивать слюну было решительно жалко. И вот в какой-то вкрадчивый момент, который уже не воскресить ни в памяти, ни вообще, я заметил, что на периферии пурпура и кошатины где-то сзади и сбоку поигрывает бледно-желтое с карминовыми прожилками зарево. Мое внимание, ухватившись за брошенную косточку, следом выгрызло из пространства стук каблуков, позвякивание какой-то металлической чепухи вроде браслетов, терпкое тминное облачко с вкраплениями красного перца и медовыми нотками, заметную уксусную отдушку и миниатюрную девичью фигурку, несущую все это на себе, от себя и во все стороны.

Как только язык любопытного внимания скользнул по изгибам фигуры, я тут же ощутил электрический ожог и химическое покалывание с ароматом пригоршни мелких рыбьих косточек. Ошибиться было невозможно – девушка была

раздражена до крайней степени. Она мерцала, пульсировала, клокотала и чуть не лопалась от переполняющей ее раздраженности. Вместо того чтобы сбавить шаг и дать этому вместилищу закипающего гноя проплыть мимо, я повернул к нему свое непримечательное лицо и приготовился заговорить синим бархатом – он как нельзя лучше подходит для вечернего пурпура.

Широкое полотно с ровными краями, для свежести немного черники пополам с ежевикой, никаких складок, только мягкие волны и чуть шершавое послевкусие – так это должно было выглядеть. Но вместо синего бархата из меня с какой-то обреченной поспешностью брызнуло оранжевое конфетти, приправленное карамельной крошкой и явственным кокосовым настроением, менее всего подходящим к месту и времени. Ядовитая желтизна, которой девушка ответила на мою нечаянную клоунаду, чуть не сожгла сетчатку моих глаз. Одежда на мне вмиг измялась и покрылась грязью, а выступивший пот смешал с пылью и стер последние штрихи кокосовой мякоти. Да, девушка была раздражена настолько, что легко смогла бы и луну заставить пахнуть рокфором вместо привычного грейпфрута.

Я умею проигрывать, но в тот момент мысли о том, что проигрыш был моим изначально и неизбежно, даже не возникло. Ударить зеленым – вот что я решил. Сеть цвета морской тины с крупными ячейками, в которых вьется тугим стеблем плющ, а у бабочек вместо крыльев листики переч-

ной мяты, играющий искорками изумруд в центре, колючая хвоя по краям самшитового спокойствия, скрывающего жгучесть имбирного корня. Против моего мастерства владения зеленым тембром устоять очень сложно. Но девушка устояла, потому что не зелень, а бесстыдный апельсин с карамелью и кокосом снова ударили из меня фонтаном. От ответного залпа желтым моя одежда начала тлеть, кожа покрылась язвами, а запах... Если бы человеческое тело, разлагаясь, пахло бы настолько же омерзительно, то люди уже давно отыскали бы дорожку к бессмертию с одной лишь целью – освободить мир от источников самого ужасного аромата из всех.

Страстно захотелось убить эту девушку, сжать ее горло и выдавить из него бардовую пасту жизни, крушить ее быстрыми широкими взмахами, ломать кости кровяными сгустками и причинять страдания всех оттенков алого, боль со вкусом граната, клубничные мучения и малиновый ужас осознания фатальности. Но и красный отказался повиноваться мне. Предательская апельсиновая ржавчина мощным потоком рванулась наружу, словно я был цирковым артистом, демонстрирующим трюк «человек-брандспойт». Это выглядело настолько низко и дешево, жалко и безвкусно, как если бы я торговал на рынке подмороженной хурмой или недозрелыми тыквами.

Мне стало невыносимо стыдно от того, что я пристал к девушке, а сам оказался неспособен ни на синий, ни на зеле-

ный с красным. Ей из-за бушующего вируса раздражительности и так плохо, а тут еще я с фиглярским оранжевым. Я знал, что за моей попыткой последует желтый ответ, превосходящий по мощности первые два вместе взятые, и ждал его с покорной готовностью, как заслуженную кару.

В ярком и жарком кислотно-лимонном свете я утонул, а все вокруг меня расплавилось. Должно быть, на поверхности Солнца ощущаешь себя примерно так же. Тело мое исчезало вместе с угасающим сознанием до тех пор, пока я не лишился чувств.

С того дня прошло уже больше полугода. Я по-прежнему неприметен в толпе и мои солоноватые проблемы никуда не делись, а способность говорить синим, зеленым и красным так и не вернулась. Но я не склонен драматизировать. Оттачиваю навыки владения оранжевым и все больше уверяюсь, что зря столько времени подавлял в себе раздражительность. Взять ту же девушку – когда я пришел в сознание, она все еще была рядом. Заговорила со мной розовым, поблагодарила за то, что я вытерпел весь ее желтый – давление раздраженности понизилось и ей стало лучше. Теперь мы с ней регулярно встречаемся, она обливает меня желтизной, а потом, когда ей становится лучше, занимаемся сексом (он пахнет голландским сыром и копченостями, а ее основной цвет бежевый). Мне нравится секс, да и девушка хорошенькая, но если бы я тоже умел раздражаться, то получал бы двойное удовольствие, имея шанс самому стравить желтый тухляк на

ближнего.

Комментарий №11

Продавец-консультант охотничьего магазина «Зверский рык» Маргарита Оттовна Зготрах, из собрания твиттов, опубликованных в сборнике «Через Twitter к струйным оргазмам»:

«Территория любви – это волшебная страна, оказавшись в которой, каждый человек вправе рассчитывать на исполнение даже предельно смелых и сокровенных своих желаний. Когда речь заходит о любви в самом жарком, страстном и ураганном ее проявлении – плотском – сметаются все запреты, рассыпаются прахом комплексы неполноценности, забываются предрассудки. Если натура любовника требует, чтобы в сексуальной игре были задействованы, скажем, щипчики для ногтей, черная вуаль, велосипедный насос, редкая коллекционная фигурка Бэтмена в масштабе 1/6, полкило свиной печени, двести литров рыбьего жира, портрет Сталина (без трубки) и магниторезонансный томограф, то ни в коем случае нельзя противиться этим требованиям. Однако следует соблюдать определенные меры предосторожности, чтобы не попасть в щекотливую ситуацию или, хуже того, на скамью подсудимых, как Кшиштоф Збигневич Курочка, чью любовницу за три секунды до наступления у нее второго за тот вечер оргазма прищемило медвежьим капканом. В частности, если в постели вы прибегаете к помощи медвежьего

капкана, составьте со своим партнером акт о взаимном согласии на применение данного устройства и потрудитесь заверить документ у нотариуса».

Эпизод №11. Удары волхвов

Старый слепой пидорас Константин Федотов вышел из квартиры и, постукивая белой тростью по ступенькам так, как он желал бы постукивать совсем не по ступенькам и далеко не тросточкой, спустился вниз. Возле подъезда дорогу Федотову перебежала черная кошка, чего Константин в силу своей слепоты не заметил, так же как и того, что у кошки не было хвоста.

Осторожной, чуть боязливой походкой, роднящей его со всеми слепцами, Федотов пересек двор, обогнул низкую ограду детской площадки и по косо́й через газон прошел на автобусную остановку. Пропустив подошедший автобус, Константин перешел проезжую часть в неполюженном месте и встал на противоположной стороне дороги, призывно помахи́вая рукой, свободной от трости. В полном соответствии ожиданиям старика, вскоре возле него, скрипнув тугими колесами, остановился автомобиль, чьей марки, модели и номерных знаков Федотов, конечно же, не увидел.

– Добрый день, – сказал Константин, услышав, как электромоторчик в передней правой двери автомобиля опустил стекло, отделяющее водителя от окружающей атмосферы. – Не будете ли вы так любезны и не отвезете ли меня в Бирю-

лево? Я знаю, что это далеко – через весь город, но я вам щедро заплачу! Честное слово! Мне, признаться, очень нужно в Бирюлево, и чем скорее, тем лучше. Вопрос, так сказать, не жизни, но практически смерти!

– Конечно, дедушка! Садитесь, и денег мне не надо – я как раз в Бирюлево еду, – по чуткому слуху старого пидораса цапагнуло звонким девичьим голоском.

– А... э... Бирюлево? Вот ведь я старый дурак! Оговорился, в Бибирево мне нужно, а не в Бирюлево, – быстро сориентировался Федотов. – Простите за беспокойство, удачного дня и счастливой дороги.

– Садитесь-садитесь, я вас до Бибирево довезу. Я все равно никуда не спешу.

– Ой! – Константин вскрикнул и притворно похлопал себя по карманам. – Вот ведь старость не радость, кошелек дома оставил! Тысячу извинений, удачного дня и счастливой...

– Да ничего страшного, я вас бесплатно подвезу. Садитесь, – сохраняя беззаботную интонацию, прощebetал голосок.

– Нет-нет-нет, и речи быть не может! Это дело э... офицерской чести! – Федотов выпятил грудь и уставился белесыми глазками в пустоту над уровнем предполагаемого горизонта.

– Давайте, я вас сейчас отвезу, а за деньгами потом как-нибудь заеду?

– Ой! – Константин неловко шлепнул себя по лбу. – Я же

утог на плите оставил! Пожар же сейчас случится!

Забыв об осторожности, Федотов бросился прочь в направлении собственного дома, запнулся о бордюрный камень и едва не растянулся на тротуаре.

– Вот ведь угораздило на дуру напасть. Пристала, как баный лист! – думал Константин, поспешно переставляя тросточку и ноги, внутренне клопоча от переживания неудачи. – Откуда такие уродки навязчивые только берутся? Баба за рулем – добра не жди. Тьфу! Мерзость какая! Всю охоту мне испортила.

– Черт, какой клевый дед сорвался! И чем я его только спугнул? – глядя вслед Федотову, подумал трансвеститствующий геронтофил Павлик Матросов и с досадой и недоумением нажал на кнопку автомобильного стеклоподъемника.

Комментарий №12

Временно безработный выпускник Первого казачьего университета технологий и управления (с синим дипломом) Потап Иннокентиевич Здунков, из газеты бесплатных объявлений «Из рук вон»:

«Все мы знаем, как невыносимо тяжело расставаться с нашими возлюбленными. Особенно если это расставание навсегда, и вызвано оно кончиной партнера. Как облегчить боль утраты, когда смириться с потерей не представляется возможным? Некоторые народности, обитающие в Индонезии и на других островах Юго-Восточной Азии, решили этот

вопрос довольно экстравагантным образом. Раз в год оставшиеся в живых извлекают тела своих умерших близких из могил, моют и прихорашивают их, чистят одежду и обувь, ведут с ними беседы, устраивают пикники и делают совместные фотоснимки. Но доходит ли дело до, так сказать, более интимного общения? А именно – вступают ли мужчины и женщины в сексуальный контакт с покойными женами и мужьями? Увы. Достоверной информации, подтверждающей или опровергающей это обстоятельство нет. Но я готов в максимально короткие сроки организовать экспедицию в Индонезию и выяснить все досконально, зафиксировав факты в дневнике наблюдений, а также с помощью фото– и видеохроники. Для путешествия и сбора поистине уникальных и важнейших материалов мне требуются скромные средства в размере 8 092 долларов США, которые я с радостью и благодарностью приму в дар от щедрого лица или группы лиц».

Эпизод №12. Некрофилия

Я бы едва ли удивился, если бы обои моего кабинета вспыхнули прямо за спинкой кресла, белый огонь выжег бы на них пульсирующий пентакль, и из пламени, цепляясь рогами за края портала, высунулась дьявольская морда с клеймом вечного превосходства и срывающимися с раздвоенного языка рекомендациями убить всех, начиная с самого себя. Но, по какой-то причине, этого не произошло ни в прошлом году, ни неделю назад, ни вчера, так что и сегодня всерьез

ожидать появления дьявола было глупо. Поэтому я пальцами ног нашарил под столом тапочки, вставил в них ступни, вылез из кресла и отправился в прихожую. Положив руку на задвижку замка, пару секунд раздумывал, стоит ли надеть халат, но, решив, что сойдет и так, щелкнул задвижкой и распахнул дверь.

За порогом на пыльном коврикe устроился кот, весь вид которого говорил о том, что он уже не первый день как мертв – сплющенное тело с неестественно вывернутыми лапами и криво оскалившейся безглазой головой успело мумифицироваться. Я смотрел на него, а он сверлил меня пустыми глазами.

– Кхе-кхе, простите, вы случаем не меня ждете? – спросил я, чтобы прервать неловкую паузу. Вместо ответа кот, передвигая искалеченными лапами, обогнул мою ногу и меховой каракатицей вкатился в прихожую.

– Что ж, добро пожаловать, – больше на лестничной клетке никого не было, поэтому я закрыл дверь и повернулся к своему гостю. – Вы голодны?

Кот снова промолчал. Его шейные позвонки хрустнули, голова неспешно описала дугу – кот озирался. Не мешая ему осваиваться на новом месте, я прошел на кухню, где взял два блюда – в одно налил молока, на другое положил кусок стейка из семги, оставшегося с ужина. Оба блюда поставил на пол возле холодильника. Не стоит быть навязчивым, если кот голоден, он сам найдет еду по запаху.

Когда я вернулся в прихожую, кота в ней не было. Обойдя квартиру, я нашел своего гостя в спальней. Он лежал на моей кровати, подмяв под себя обе подушки. Гостеприимство гостеприимством, но во всем должна быть мера – я переложил кота в ноги, он не возражал. Я стоял и смотрел на мертвое животное, лежащее на постели, и пытался сообразить, чем бы занять остаток вечера, но ничего толкового так и не придумал. Поэтому прошелся по всем комнатам, погасив свет и раскрыв форточки для притока свежего воздуха, после чего лег спать, постаравшись при этом не побеспокоить кота.

Утром, открыв глаза, я не увидел у себя в ногах кота и подумал, не приснился ли он мне. Но вскоре кот обнаружился на кухне. Распластавшись на полу, он макал вывернутую челюсть в блюдце с молоком – язык иссох, и лакать, как полагается, ему не удавалось. Видя, что коту неудобно, я аккуратно взял его на руки, перевернул так, чтобы рот оказался сверху, и залил внутрь немного молока. В горле кота заклокотало и забулькало, молоко пузырилось, но постепенно уходило внутрь тела. Я отщипнул от рыбного стейка несколько мраморно-розовых волокон, вложил их в рот кота и залил молоком. На этом сеанс кормления закончился – кот зашевелил лапами, словно пытаясь меня оцарапать, и я счел это за требование опустить гостя обратно на пол.

Вечером, когда кот снова приполз на кухню, я еще раз напоил его молоком и накормил остатками рыбы. После ужина я поинтересовался, не пора ли коту возвращаться туда, от-

куда он пришел, но тот лишь молча отправился в спальню и устроился на кровати. В этот раз в ногах. Судя по всему, кот собирался никуда уходить не. Что ж, значит, завтра надо будет сходить в зоомагазин, приобрести миску, лоток и кошачий корм.

Примерно через месяц нашей совместной жизни я заметил, что с котом произошли значительные перемены. В его глазницах появились глаза – мутные, белесые, сочащиеся гноем. Язык больше не походил на засохшую пиявку, обрел прежнюю форму и сменил бурый цвет на серый. Челюсть немного выровнялась, да и само тело кота перестало казаться сплюснутым. Теперь он мог самостоятельно есть и пить из миски, а при движениях его позвонки и кости скрипели и скрежетали гораздо тише. Изменения коснулись и характера кота – прогнать его с подушки стало гораздо труднее. Хоть такая наглость меня и раздражала, я не мог не радоваться тому, что самочувствие животного улучшилось и не без моего участия.

Еще через пару недель кот стал почти как новенький. Его глаза перестали гноиться, за мутными бельмами стали проглядывать очертания зрачков. Язык и нос порозовели, а сам кот обрел способность издавать мявканье различных тонов. Телу вернулась гибкость и упругость, а лапы и хвост заработали так, словно переломов никогда не было. Вместе с этим кот стал совершенно неуправляемым. У него выработалась вредная привычка царапать обои, метить все подряд и среди

ночи скакать по мне, шкафам и шторам. Я пытался урезонить кота, говорил с ним спокойно, уверенно и аргументировано, но результатов не добился. И все равно я оставался горд тем, что моя забота сотворила с ним такие чудеса.

Вчера ко мне в гости ни с того ни с сего зашла Таня. Мы с ней не виделись несколько лет – сейчас мне не вспомнить ни из-за чего мы разошлись, ни того, что когда-то заставляло нас быть вместе. Едва пройдя в квартиру, Таня увидела кота, вышедшего посмотреть, кого к нам принесло. Таня тут же бросилась гладить кота и всячески с ним сюсюкаться (за пару дней до этого его зрение окончательно восстановилось, шерсть распушилась, а сердце снова стало биться, гоняя по телу горячую кровь). То ли от того, что дьявол так и не появился, да и других новостей не было, то ли из желания похвастаться, я рассказал Тане историю появления у меня этого кота. Рассказал во всех подробностях, в каком он жутком состоянии был, как мне пришлось за ним ухаживать, и как в результате он ожил. Таня слушала меня, не перебивая, во время рассказа ее лицо странно менялось – губы сжались в тонкую нить, скулы заострились, глаза округлились, а брови приняли скорбное положение.

– Ты мне не веришь? – спросил я Таню.

– К сожалению, верю, – по лицу Тани пробежала судорога. – Ты весь в этом...

– В чем «в этом»? – спросил я.

– Только мертвецов и можешь любить! Только о мертвых

и заботишься! – внезапно громко прокричала Таня, после чего расплакалась и, забыв свою сумочку, пулей вылетела из квартиры, оглушительно хлопнув дверью, едва не прищемив кота.

Во мне шевельнулось туманное воспоминание. Кажется, при нашей первой встрече, Таня тоже была мертва. М-да, странная все-таки история вышла с этой Таней.

Комментарий №13

Оператор по искусственному осеменению животных и птицы 6-го разряда Булат Осипович Гомерзов, из открытого письма, адресованного «Заврашиваемся человечеству и бездействующим ученым»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.